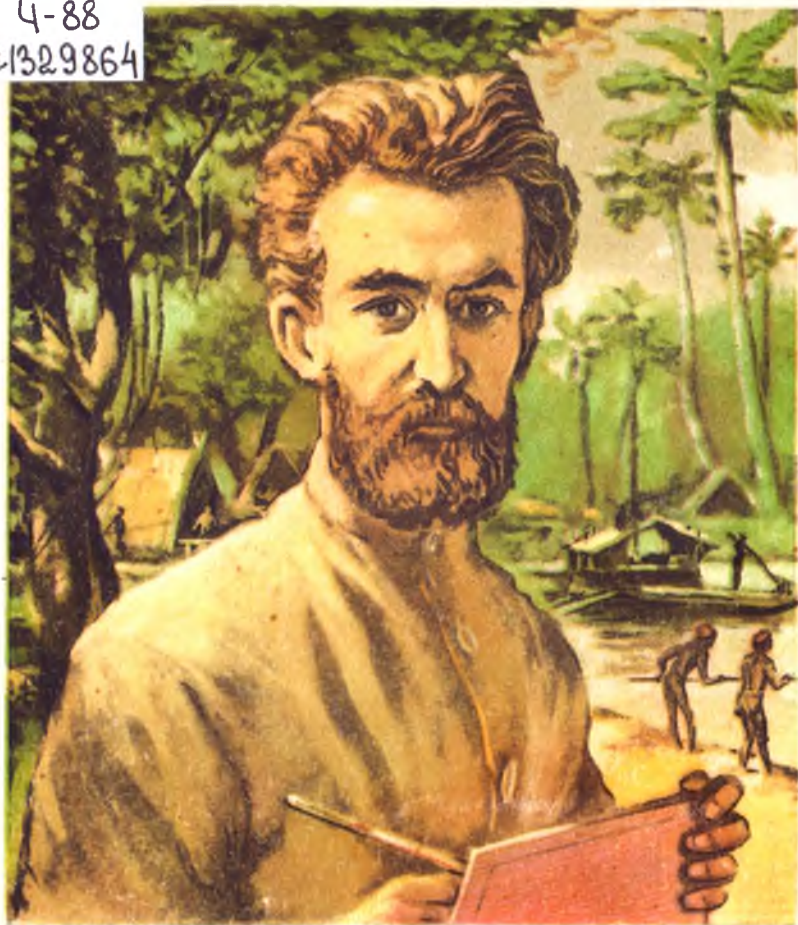

26.8г

4-88

С1329864

Лидия Чуковская

Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

Географгиз 1952

ЛИДИЯ ЧУКОВСКАЯ

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

*Под редакцией
Н. Н. Баранского*

Второе издание

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва—1952

I

Летом 1869 года в передовом русском журнале «Отечественные Записки», выходившем под редакцией Салтыкова-Щедрина, Некрасова и Елисеева, была напечатана (без подписи) статья «Цивилизация и дикие племена». На первый взгляд, намерения у автора были самые скромные: информировать русских читателей об ученых спорах в антропологических обществах Парижа и Лондона. Но в действительности смысл статьи был глубже: журнал сообщал о насилиях, которые чинят над мирными народами правительства стран, именующих себя передовыми. Путешественники, посещавшие в шестидесятых годах острова Тихого океана, отмечали, что «туземное население Полинезии постоянно вымирает в тех местах, где поселились европейцы даже в небольшом числе». Пересказывая ученые споры о причинах этого явления, автор статьи, кроме многочисленных фактов насилия над народами Полинезии, приводит факты чудовищной расправы американцев с индейцами, англичан с австралийцами и заканчивает статью восклицанием: «это — позор для восхваляемой цивилизации!». «В Калифорнии, в долине Немекул, — сообщает публицист, — зимой 1858/59 года было умерщвлено более 150 индейцев с женами и детьми; среди белого дня убивали безоружных людей и женщин с грудными детьми на руках».

Чем же объясняется неизбежная гибель туземных племен при столкновении их с «цивилизованными народами»? А тем, отвечали многие из западноевропейских ученых, что эти племена неспособны, видите ли, к цивилизации. По их мнению, «не все расы имеют способность совершенствоваться», и вот, оказывается, в чем причина, что, соприкасаясь с цивилизованными народами, племена тихоокеанских островов и Калифорнии начинают вымирать.

В то время вокруг вопроса о происхождении и развитии человеческих рас велись среди ученых ожесточенные споры. Одни (полигенисты) пытались доказать, будто разные народы произошли от нескольких разных стволов; другие (моногенисты), — что все человечество произошло от одного корня, от одного ствола. Белый человек и черный человек — утверждали полигенисты — это две разные породы людей, столь же несходные между собою, как сова и орел... И делали отсюда вывод, далекий от подлинной науки, но выгодный рабовладельцам всех мастей: человеческие расы неравноценны; разница в культурном уровне народов зависит от неодолимых «врожденных свойств», не все расы наделены одинаковой способностью к развитию; «белые» якобы самой природой предназначены господствовать, «цветные» — подчиняться...

Из ученых того времени последователем теории единства происхождения человеческого рода был русский академик Бэр. Он заявил, что все утверждения полигенистов, стремящихся преуменьшить физические и духовные силы «цветных», опираются на непроверенный материал, что для подлинно научного решения вопроса необходимо всесторонне изучить людей различных рас — от цивилизованных европейцев до малокультурных жителей тропических стран. «Является желательным, можно даже сказать, необходимым для науки, изучить обитателей Новой Гвинеи», — писал Бэр в одной из своих статей.

В том же 1869 году молодой русский ученый Николай Николаевич Миклухо-Маклай обратился в Географическое общество с просьбой обсудить программу задуманного им многолетнего путешествия в Тихий океан на неисследованный берег Новой Гвинеи и выхлопотать ему разрешение отправиться туда на борту одного из военных судов. В ту пору ему было всего только 23 года, но он уже заслужил известность в России и других странах как автор интересных статей об анатомии губок, о морфологии

мозга хрящевых рыб и как отважный исследователь берегов Красного моря. По образованию своему Миклухо-Маклай был естественник, по специальности зоолог, исследователь низших организмов. Но путешествие Миклухо-Маклая на Новую Гвинею не было путешествием только зоолога, ботаника или анатома. Он отправился туда прежде всего как антрополог, а в антропологии его занимал основной вопрос, придававший экспедиции на Новую Гвинею широкий общественный интерес.

«Время, я уверен, докажет, что при выборе моей главной задачи я был прав, — писал впоследствии Миклухо-Маклай. — Я считаю вопросы зоогеографии этой местности весьма интересными... и все-таки я почел за более важное: обратить мое внимание на... жите-бытие папуасов, полагая, что эти фазы жизни этой части человечества при некоторых новых условиях (которые могут явиться каждый день) весьма скоро преходящи».

Вот что стало для Миклухо-Маклая «главной задачей». Он отправился на Новую Гвинею не столько для собирания зоологических коллекций, сколько для изучения папуасов. Он избрал Новую Гвинею местом своих многолетних исследований потому, что этот остров был населен первобытным племенем, изучение которого могло дать ответ на центральный вопрос, поставленный антропологией; собранный на Новой Гвинее материал должен был, по мысли Маклая, подтвердить учение моногенистов. Маклай понимал, что надо торопиться: если европейские колонизаторы явятся на Новую Гвинею, — папуасам не сдобровать. Тогда поздно будет браться за их изучение.

В семидесятых годах XIX века капиталистические державы в поисках рынков сбыта и рынков сырья неустанно захватывали новые и новые острова, новые и новые области на материках. «С 1876 по 1914 г., — пишет В. И. Ленин, — шесть «великих» держав награбили 25 миллионов кв. километров, т. е. пространство в $2\frac{1}{2}$ раза больше всей Европы! Шесть держав поработают *свыше полумиллиарда* (523 миллиона) населения в колониях... И всем известно, что колонии завоеваны огнем и мечом, что в колониях зверски обращаются с населением, что его эксплуатируют тысячами способов...» *.

Миклухо-Маклай понимал: день, когда племена Новой Гвинеи столкнутся с европейцами, — близок.

* В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 21, стр. 275.

Русское Географическое общество выхлопотало молодому ученому разрешение отправиться в Тихий океан на борту корвета «Витязь» — военного судна, входившего в состав Тихоокеанской эскадры.

8 ноября 1870 года «Витязь» вышел из Кронштадтского порта и, посетив по пути Копенгаген, остров Мадейру, остров Пасхи, Таити, острова Самоа, остров Новая Ирландия, на триста сорок шестой день пути, 19 сентября 1871 года, бросил якорь в заливе Астролябии, на северо-восточном берегу Новой Гвинеи.

За 43 года до этого дня, в 1827 году, залив Астролябии был открыт французским мореплавателем Дюмон Дюрвилем и назван по имени того судна, на котором плывал путешественник. Однако, опасаясь лихорадки и неизвестных обитателей острова, Дюмон Дюрвиль не высаживался на берег и производил съемку с корабля. Миклухо-Маклай был, таким образом, первым европейцем, рискнувшим поселиться на неизвестном берегу.

Но день 19 сентября 1871 года памятен не только прибытием Маклая на Новую Гвинею. 19 сентября написаны первые строки одной из замечательнейших в истории человечества книг. Книга эта — дневник Миклухо-Маклая — после смерти автора пролежала под спудом много десятилетий и была напечатана лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Дневник Миклухо-Маклая — это неоценимый источник для изучения жизни первобытных народов. Папуасы залива Астролябии, среди которых поселился путешественник, никогда не общались с другими народами и в полной нетронутости сохранили в ту пору первобытный уклад. Подробно и обстоятельно рассказывает Миклухо-Маклай о нравах и обычаях обитателей острова: о том, какие у папуасов похоронные и свадебные обряды, как папуасы охотятся, как обучают детей, как обрабатывают землю, как строят пироги, как выделывают материк из коры. Все виденное Миклухо-Маклай записывал, зарисовывал, регистрировал тщательно, добросовестно, точно — будь то высота горы или глубина залива, клюв птицы, орнамент на борту пирога или волос ребенка.

Ключа к пониманию структуры первобытного общества в начале семидесятых годов не было еще в руках у науки;

*Николай Николаевич
Михухо-Миклай*

книга Моргана, который, по выражению Энгельса, «нашел ключ к важнейшим загадкам древнейшей истории» *, вышла только в 1877 году, книга Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» — в 1884-м. Но материал, собранный Миклухо-Маклаем, предвосхищал более поздние выводы ученых-теоретиков. Материал этот свидетельствует, что производство и потребление носили у папуасов коллективный характер, что у них не было торговли, что единственное известное им разделение труда — было разделение по полу и возрасту, что основной единицей их общества являлся род, что их общество было первобытно-коммунистическим. Дневник Миклухо-Маклая дает нам в руки как бы фотографический снимок, правдивый и точный портрет первобытного племени, сделанный без искажений и прикрашиваний.

Этот портрет тем более драгоценен для нас, что первобытных племен, никогда не общавшихся с народами более высокой культуры, в мире уже почти не осталось, а с ними вместе исчезает непосредственная возможность наблюдать раннюю стадию развития человеческого общества, через которую когда-то прошли все народы.

Но дневник Миклухо-Маклая — это не только портрет мало изученного племени; в известном смысле это и автопортрет. Строка за строкой, страница за страницей — и постепенно сквозь эти строки, в которых, на первый взгляд, так мало говорится об авторе, проступает, быть может помимо его собственной воли, рядом с лицами папуасов, на фоне гор, кокосовых пальм и океана, другое лицо: облик удивительного, необычайного человека, портрет его самого, Маклая, русского ученого, просветителя, гуманиста.

Первое, что поражает в дневнике Миклухо-Маклая — это та уважительность, которой проникнуты все его суждения о туземцах. Он постоянно называет лица папуасов добрыми, мягкими, умными, искренне любит гибкостью, стройностью, ловкостью движений туземцев, радуется их честности, их понятливости, их смывленности. Если же что-нибудь и удивляет его неприятно в обычаях и нравах папуасов, он не спешит высмеять и осудить чужой обычай с точки зрения самодовольной морали европейского обывателя, а, как и подобает ученому, пытается понять его и объяснить исторически. Для него папуасы

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 8.

Новой Гвинеи, которых, рискуя собственной жизнью, он пришел изучать, не подопытные кролики и не рабы, а прежде всего люди, — такие же люди, каких он видел повсюду, только во много раз интереснее. В общении с туземцами он требует от себя такой же справедливости и деликатности, как в общении с любыми другими людьми. Когда, впервые увидав белого человека вблизи от своих хижин, туземцы схватились за копья, ученый не возмутился, а нашел этот жест совершенно естественным: ведь это их край, их деревня, их лес, они не приглашали к себе Миклухо-Маклая.

«Мне самому как-то стало неловко, — записывает Маклай в дневнике, — зачем прихожу я стеснять этих людей?»

С уверенностью можно сказать, что путешественники-колонизаторы, — такие, например, как Стэнли, неизменно именовавший в своих записках негров Африки бесчестными, жестокими, трусливыми, жадными, никогда не испытывали подобной неловкости.

Папуасы залива Астролябии были людьми каменного века, Миклухо-Маклай — одним из передовых ученых современной цивилизации. Но ученый не склонен был презирать папуаса на том основании, что тот рубит дерево неуклюжим каменным топором, ест не ложкой, а какой-то там раковиной, не знает сохи и плуга и размельчает землю чуть ли не голыми руками. Напротив того: в своем дневнике он с восхищением отзывается о трудолюбии людей, которые добились великолепной обработки земли, вопреки скудности и примитивности своих земледельческих орудий, которые умеют простой костью выполнить сложный художественный орнамент и резать костью мясо не хуже, чем стальным ножом.

Освоившись в папуасских деревнях, подружившись с их обитателями, просвещенный ученый не погнушался вымазать себе однажды лоб черной краской на папуасский манер — в знак траура по одной из туземных женщин, желая этим выразить свое соболезнование мужу покойной; и до тех пор, пока он не заслужил полного доверия папуасов и они сами не захотели познакомиться с ним своих жен, дочерей и сестер, он издали предупреждал о своем приближении свистом: пусть женщины прячутся, если таков их обычай.

Но рядом с деликатностью и добротой, заставлявшей

Миклухо-Маклая, постоянно больного, страдающего от лихорадки и от ран на ногах, спешить через труднопроходимый лес в деревню на помощь к какому-нибудь из туземных больных; рядом с чертами мягкости, доброты, деликатности, дневник Миклухо-Маклая с первых же страниц открывает в авторе еще одну черту — бесстрашие в буквальном смысле этого слова, т. е. совершенное отсутствие страха. В сочетании с мягкостью и добротой эта черта поражает. Вот он только что приехал, только что перебрался на остров, где до него не был еще ни один европеец. Ему говорят, что будущие соседи его — людоеды, что они коварны, хитры, жестоки и ненавидят белых. Маклай настороже: накануне ухода «Витязя» он показывает морякам то дерево, под которым зароев весь собранный научный материал, если почувствует, что ему «не сдобровать». Но вот 27 сентября «Витязь» поднимает якоря и отваливает. В знак прощания Маклай приказывает своему слуге, шведу Ульсону, опустить над деревом флаг. Ульсон в отчаянии: ведь папуасы могут каждую минуту кинуться на пришельцев, а пушки корвета все дальше и дальше... Руки у него дрожат, и он не в силах опустить флаг. «Я сам отсалютовал уходящему судну», — записывает возмущенный трусостью Ульсона Маклай.

Первого октября ученый отправился в папуасскую деревню, ближайшую от того мыска, на котором он поселился. Отправился, не взяв с собой ни ружья, ни револьвера. Почему? «Я убежден, что какая-нибудь пуля, пущенная нехстати, — объяснял он у себя в дневнике, — может сделать достижение доверия туземцев невозможным, т. е. совершенно разрушить все шансы на успех предприятия». И он взял с собой одну только записную книжку и карандаш. Туземцы недружелюбно встретили незваного гостя. Несколько стрел пролетело возле его головы. Чем же он ответил на стрелы? Папуасского языка тогда он еще не знал. Как объяснить туземцам свои добрые намерения? Путешественник расстилает на земле циновку и среди всоруженных людей, которые только что угрожали ему смертью, ложится спать. «Я вас не боюсь; я пришел к вам безоружный и верю, что и вы не обидите меня», — вот что сказал он этим простым поступком. Поступок беспримерный по находчивости и мужеству! Самое же удивительное то, что Миклухо-Маклай не только решил лечь спать среди людей, которые минуту назад целились в него, но и

заснул. «Я проспал два часа с лишним», — записывает он в дневнике. Для этого двухчасового сна нужно было не только чувствовать себя усталым, на что, со свойственной ему скромностью, ссылается он сам, но и совершенно не испытывать страха, о чем он умалчивает.

Скромность, присущая Маклаю, проявляется на каждой странице его дневника. Обо всем, что случилось с ним в бухте Астролябии, Миклухо-Маклай повествует таким ровным спокойным тоном, что читателю поневоле начинает казаться, будто и в самом деле в его полной опасностей жизни на Новой Гвинее не было решительно ничего особенного. Гулял по лесу, видел большие грибы; пошел в папуасскую деревню, где его хотели убить, и не шевельнулся, когда увидел копья, направленные ему в грудь; опять бродил по лесу, видел птицу орлана; заболел тропической лихорадкой и во время смертельного приступа не в силах был поднести ко рту ложку с лекарством, но трижды в день выползал на четвереньках на веранду, чтобы записать метеорологические наблюдения. Все это рассказано спокойно, без всяких восклицательных знаков и пауз, даже чуть-чуть монотонно: о грибах тем же голосом, что и о копьях.

Всякое, не только возвышенное, но и сколько-нибудь приподнятое, громкое слово было органически чуждо Маклаю, и слов «долг ученого» мы не встретим у него в дневнике, точно так же, как не встретим слова «мужество» или «храбрость».

Однако каждому, кто задумается над жизненным путем этого человека, станет ясно, что, хотя Маклай в своем дневнике ни разу не упоминает о долге ученого, самое высокое представление об этом долге было присуще ему; и хотя он нигде не говорит об обязанностях цивилизованного еврпейца перед людьми, стоящими на низкой ступени развития, тем не менее он всегда исполнял их.

Если бы это было не так, если бы наука не владела всеми помыслами его, разве он оказался бы способным, как явствует из его дневника, день за днем, неделю за неделей, не давая себе отдыха даже во время болезни и этим лет на двадцать сократив свой век, — изо дня в день ходить по болотам и горам, измерять, осматривать, копить материалы, записывать, сопоставлять? Поселившись на Новой Гвинее, он мало спал, плохо ел; всегда ему казалось, что он не успеет как следует выполнить взятые на

себя обязательства. Благородная жадность к познанию мира гнала его по непроходимым лесам. «Я жалею, что у меня не сто глаз», — писал он у себя в дневнике. Кажется, это единственная жалоба, которую мы найдем в его записях. Сильно сердили его бобы: они варились слишком медленно, они отнимали время... Окружающий мир, не виданный еще никем из европейцев, только что принятый Маклаем под высокую руку науки, требовал распознавания и учета. В этом новом мире все следовало рассмотреть, описать, сохранить. Ни один листик величавых деревьев, стоящих как бы на подпорках на дугообразных воздушных корнях, не должен был пропасть для ботаники, ни одна мерцающая в черноте ночного океана медуза — для зоологии, ни одна песня, слетевшая с губ папуасов, — для этнографии. Нужно было измерять папуасские головы, измерять температуру почвы и температуру воды, измерять высоту гор, препарировать птиц, определять виды растений, собирать утварь, волосы, украшения и оружие туземцев; нужно было увидеть папуасские похороны и папуасские свадьбы и посмотреть, как папуасы очищают кокосовые орехи — где уж тут думать о сне и еде!

Миклухо-Маклай был не только исследователем; он стал просветителем племени, среди которого поселился. Он дарил туземцам семена полезных растений, он учил их пользоваться орудиями из металла и неустанно собственным своим поведением показывал им пример справедливости и уважения к человеческому достоинству. Он описывает у себя в дневнике, как однажды, в ту пору, когда туземцы уже не считали его чужим, он заметил в папуасской хижине «кускуса» — животное, которого еще никогда не видал. Ученому захотелось унести куска к себе и исследовать. Он предложил в обмен на куска нож. «Но дети Горенду будут плакать, если им не дадут отведать мяса», — в смущении объяснили ему туземцы.

«Я знал очень хорошо, — читаем мы в дневнике, — что, если я возьму животное и унесу его домой, никто из жителей Горенду не посмеет воспротивиться этому, но мне не хотелось поступить несправедливо и силой завладеть чужой собственностью».

Рассуждение скромное и, казалось бы, высказано оно по самому незначительному поводу. Будут ли плакать дети в невзрачной папуасской деревушке, о которой в цивилизованном мире никто никогда не слышал, или они от-

ведают жареного мяса — не все ли равно? Однако в этом скромном рассуждении сказались глубокие мысли ученого о существовании ответственного слова «культура». В самом деле: если стоит тебе только оказаться в неизвестных широтах и ты утрачиваешь чувство справедливости, если ты теряешь уважение к человеческому достоинству только оттого, что перед тобой человек с другим цветом кожи, — грош цена твоей культуре, во имя которой ты совершаешь свои великолепные научные подвиги: мнимым оказывается ее хваленое превосходство.

Папуас из деревни Горенду.
Рисунок Н. Н. Миклухо-
Маклая.

Поселившись на берегу бухты Астролябии, Маклай через несколько месяцев завоевал уважение и дружбу туземцев. Не копыя встречали его теперь в прибрежных и горных деревнях, а радостные улыбки. Женщины перестали прятаться при его приближении: они уже давно познакомились с ним и не боялись его. Все торопились поскорее усадить дорогого гостя — днем в тени пальмы или под навесом, а вечером у костра — угостить мясом дикой свиньи, поудобнее устроить на ночлег, напоить прохладным молоком кокоса. Если же под вечер он торопился домой, в Гарагаси, — молодежь с факелами провожала его через лес. Хижину Маклая каждый день навещали папуасы из деревень ближних и дальних: всем хотелось взглянуть на мудрого человека, умеющего залечивать самые тяжелые раны, зажигать огонь, выращивать невиданные растения. Папуасы приносили ему в дар рыбу, кокосы, бананы; Маклай щедро оделял их гвоздями, семенами растений, ножами... Скоро темнокожие люди совсем перестали бояться своего нового друга, и он свободно мог посещать их охоты и празднества, записывать слова их наречий, выстригать для микроскопического исследования волосы у них на головах. Мужеством, терпением и справедливостью Миклухо-Маклай добился счастливой возможности беспрепятственно трудиться на пользу науки, и его ежедневный труд принес богатые плоды.

Ученые почерпнули из записок Миклухо-Маклая сведения о климате Новой Гвинеи, о ее животном и растительном мире; узнали, что вдоль берега тянутся цепи гор, прерываемые на юго-западе низменностью, что средняя температура в бухте Астролябии $+26^{\circ}$; что самый дождливый период там длится с ноября до мая; что растительность близка к индо-малайской с небольшой примесью австралийских форм; что фауна бедна млекопитающими. И, самое главное: описав физический тип папуасов Новой Гвинеи, Миклухо-Маклай опроверг распространенное в науке того времени мнение, будто папуасам присущи какие-то особые свойства — свойства «низших» рас. Было принято думать, что волосы у папуасов растут как-то особенно, «пучками». «Нет, растут совершенно так, как у европейцев», — констатировал после длительных работ Миклухо-Маклай. Ученые утверждали, будто кожа у папуасов тоже особенная: жесткая. «Нет; кожа гладкая и ничем не отличается от кожи европейцев», — заключил Миклухо-Маклай.

И не отдельные записи, а весь дневник является опровержением клеветы, возведенной на темнокожие племена.

Из дневника Миклухо-Маклая читатель неминуемо сделает вывод: совсем не «кровожадные» и не «коварные», а такие же люди, как везде. Дневник Миклухо-Маклая служил и служит делу разоблачения теорий «полигенистов», прикрывающих хищничество империалистических держав; служил и до сих пор служит делу разоблачения расистских теорий, созданных на потребу фашизма.

III

Двадцать первого июля 1872 года в газете «Кронштадтский вестник» появилось сообщение, которое вскоре облетело весь мир. Русские, голландские, австралийские газеты сообщали, что Николай Николаевич Миклухо-Маклай, высадившийся в сентябре 1871 года в бухте Астролябии, погиб. Одни высказывали предположение, что он убит и съеден дикарями, другие, — что его свела в могилу злокачественная тропическая лихорадка.

Русское Географическое общество принялось настойчиво хлопотать о том, чтобы к берегам Новой Гвинеи на розыски Миклухо-Маклая немедленно послан был корабль.

Правительство отправило на розыски ученого паровой клипер «Изумруд». 19 декабря 1872 года, после трудного перехода по неизвестным водам, клипер приблизился к северо-восточному берегу Новой Гвинеи.

К удивлению и радости русских моряков оказалось, что путешественник невредим и не только не нуждается в защите от папуасов, но эти «дикие» люди искренне почитают его и желали бы никогда не расставаться с ним. Сам же Миклухо-Маклай так увлечен своими исследованиями, что, несмотря на болезнь, изнуряющую его, колеблется: уехать ему на «Изумруде» или остаться среди папуасов и продолжать свое дело? Однако научная программа, составленная Маклаем, требовала его отъезда.

«Мне представлялось необходимым, — писал он, — во-первых, познакомиться с папуасами других частей Новой Гвинеи для сравнения их с изученными жителями Берега Маклая, во-вторых, сравнить папуасов Новой Гвинеи с обитателями других островов Меланезии, в-третьих, выяснить отношение папуасов к негритосам Филиппинских островов, доказать наличие или отсутствие курчавоволосой расы на Малаккском полуострове, и в том случае, если курчавоволосые племена действительно будут там обнаружены, сравнить их представителей с остальными меланезийцами».

21 декабря 1872 года Миклухо-Маклай перебрался на борт «Изумруда». Туземцы Горенду, Бонгу, Гумбу, провожая друга, еще и еще раз требовали, чтобы он обещал им вернуться, и он повторял: «я вернусь». Когда клипер стал подвигаться вперед, Маклай услышал с берега звуки туземного барабана — «барума», столько раз доносившиеся до его хижины из папуасских деревень в дни торжеств и горестей... Теперь папуасы посылали ему свой прощальный привет.

Выполнять намеченную программу Миклухо-Маклай начал уже во время плавания на «Изумруде». Клипер направился в Гонконг, останавливаясь по дороге на Молуккских и Филиппинских островах. В Маниле, на острове Лусон, клипер должен был простоять пять дней, и Миклухо-Маклай воспользовался этими днями, чтобы посетить становище первобытных обитателей острова — «маленьких негров» — негритосов. Можно ли считать, что негритосы по расовой своей принадлежности те же папуасы? — вот вопрос, поставленный перед Миклухо-Маклаем

академиком Бэром, на который молодой ученый и попытался дать ответ.

Переплыв на туземной рыбацкой пироге широкий Манильский залив, путешественник вместе с проводником отправился в горы и скоро наткнулся на «переносную деревеньку» кочевников. Жили они в шалашах, сделанных из пальмовых листьев; в этих легоньких жилищах можно лежать или сидеть, но нельзя встать и выпрямиться. Негритосы приняли путешественника очень радушно и в четверть часа соорудили для него такой же шалаш — в сущности, просто переносный заслон из листьев, защищающий от ветра и холода.

«Первого взгляда на негритосов мне было достаточно, — писал Миклухо-Маклай академику Бэру, — чтобы признать их за одно племя с папуасами, которых я видел на островах Тихого океана и с которыми я прожил пятнадцать месяцев на Новой Гвинее».

Путешественник разыскал черепа негритосов, зарисовал наиболее характерные лица и тщательно записал те обычаи, о которых успел разузнать.

После краткого отдыха в горном городке Бейтензорге, где Маклай написал о папуасах несколько научных статей, в феврале 1874 года он отправился на малайском суденышке с экипажем в шестнадцать человек в новый путь: исследовать Папуа-Ковнай — юго-западный берег Новой Гвинеи, подвластный Голландии и прославленный, по утверждению голландцев, «разбойничеством и людоедством».

«Главной целью моей поездки, — пишет он, — было составить себе ясное представление об антропологических особенностях населения юго-западного берега Новой Гвинеи по сравнению с жителями северо-восточных ее берегов».

Цели своей Миклухо-Маклай достиг и на этот раз, но на пути ему довелось встретить немало опасностей.

Он поселился на мысе под названием Айва и принялся за антропологические исследования. Папуасы встретили путешественника очень приветливо, быстро поняли, что он для них — надежный друг, и выстроили возле его домика несколько хижин. Но, когда он ушел в одну из своих экскурсий в глубь страны, случилась беда. На маленькое поселение в Айве напали горные папуасы, издавна враждовавшие с береговыми. Они бросились на спящих, не

шадя ни женщин, ни детей. Жители Мавары и Наматоте — двух ближних островов — воспользовались нападением горцев и разграбили хижину ученого дочиста.

Миклухо-Маклай избрал своим новым местопребыванием остров Айдума и продолжал свои исследования. Однако он не забыл происшествия в Айве и твердо решил покарать виновников убийства и грабежа. Узнав, что один из главных зачинщиков резни, капитан * острова Мавары, скрывается на пироге, приставшей к берегу острова Айдума, Миклухо-Маклай, в сопровождении слуги и одного преданного ему папуаса, отправился на берег.

«Я сорвал цыновку, служившую крышей пироги. Там действительно сидел капитан.

— Саламат, туан! (Здравствуй, господин!) — произнес он слабым голосом. Этот человек был вдвое или втрое сильнее меня, а теперь дрожал всем телом.

Я схватил капитана за горло, приставив револьвер ко рту, приказал Мойбериту (туземцу) связать ему руки. После этого я обратился к папуасам и сказал:

— Я оставил этого человека в Айве стеречь мою хижину, а он допустил, чтобы в моих комнатах убивали женщин и детей. Я должен наказать этого человека».

Но Миклухо-Маклай был слишком зорким и беспристрастным наблюдателем, чтобы, покарвав случайного виновника грабежа и убийств, проглядеть, не заметить истинную причину междоусобиц, которые терзали туземцев берега Папуа-Ковиай. Он знал, что когда-то они вели мирную оседлую жизнь, что у них, как и у папуасов Берега Маклая, когда-то были хижины, кокосовые пальмы, плантации. Почему же теперь они живут впроголодь, бросили свои поселения, скитаются по воде от берега к берегу; почему, когда ни спросишь папуаса: «Откуда ты?», он неизменно отвечает: «Искал чего-нибудь поесть». Истинной причиной обнищания туземцев было то, что малайские купцы увозили туземцев в рабство; купцы подучивали горных папуасов красть береговых, а береговых — уводить в плен горных и скупали украденных людей за бесценок. К тому времени, когда Миклухо-Маклай посетил этот берег, явная торговля людьми была уже запрещена голландским правительством, но тайная продол-

* Капитан — начальник, помощник пады.

жалась без помехи. Вот в чем была причина постоянной междуоусобицы, резни и голода.

Убедившись воочию в существовании «возмутительной торговли людьми», на которую голландские власти смотрели сквозь пальцы, Миклухо-Маклай не счел возможным молчать. Тут впервые он выступил как защитник угнетенных народов. Летом 1874 года он обратился с письмом к генерал-губернатору Нидерландской Индии, в котором требовал прекратить людокрадство.

«Беззакония процветают беспрепятственно, — с горечью писал он в этом письме. — Для меня было бы большим удивлением, если бы эти несколько строк могли действовать хоть некоторому облегчению печальной участи туземцев».

Вернувшись с берега Папуа-Ковиай на остров Яву, путешественник вскоре тяжело заболел. Он был на краю гибели. Но, чуть оправившись, он предпринял следующее путешествие, необходимое для исполнения того плана, который он наметил себе. Папуасы Новой Гвинеи на востоке и на западе были уже во многих отношениях исследованы им, негритосы Филиппинских островов — тоже. В декабре 1874 года он задумал разрешить следующий, не решенный наукой вопрос: существуют ли остатки меланезийского племени на Малаккском полуострове, как утверждают одни ученые, или же меланезийцев там нет, как утверждают другие? Ценою труднейшего путешествия с одного конца полуострова Малакка на другой — путешествия, которое приходилось проделывать то шагая по пояс в воде, то продираясь сквозь непроходимые заросли, возвращаясь ни с чем в Иохор и снова пускаясь в путь на плоскодонной лодке, на спине у слона или попросту пешком сквозь джунгли, кишасшие тиграми, — Маклай встретился с теми, кого искал.

«...У верховья реки Пахан, — докладывал он впоследствии Географическому обществу, — в горах между странами Пахан, Трингано, Келантан я встретил первых чистокровных меланезийцев».

Называлось это племя — «оран-сакай».

«Хотя они оказались очень пугливыми, но я успел сделать несколько портретов и антропологических измерений и посетил почти все их селения».

Оран-сакай — кочевое племя, племя «карликовое», как и негритосы; рост этих людей не превышает ста пятиде-

сяти сантиметров. У них темнокоричневая кожа и черные курчавые волосы. Они бродили по лесам, чуть ли не каждый день меняя место своих стоянок. Дорог они не прокладывали — они не нуждались в них. В топориках, которыми малайцы подрубали ветви, сакаю тоже не было нужды.

«Он сгибает рукой, не ломая, молодые деревья и нагибается или проползает под большими. Он никогда не обрывает и не срезает висящую на его пути лиану, а проползает под нею. Несмотря на бесконечные зигзаги, извивания, обходы, он изумительно быстро идет вперед».

Добравшись до реки Патани, совершив двадцатидневное путешествие на слонах по землям сиамского короля, Миклухо-Маклай в конце 1875 года вернулся в Сингапур, а оттуда в Бейтензорг, и скоро в европейских журналах появились научные статьи, где впервые была дана этнографическая и антропологическая характеристика вымирающих племен полуострова Малакка.

Но Маклай обнаружил далеко не весь собранный им материал о бытовом и социальном укладе населяющих полуостров народов. Он знал, что Англия уже протягивает щупальцы к Малаккскому полуострову. В одном из писем, адресованных Русскому Географическому обществу, Маклай объяснил свою сдержанность: «Малайцы, доверявшие мне, имели бы совершенное право назвать такой поступок шпионством... поэтому не ожидайте найти в моих сообщениях что-либо касающееся теперешнего «статус-кво» — социального или политического — Малаккского полуострова...».

IV

Наступило время исполнить обещание, данное папуасам деревень Горенду, Гумбу, Бонгу, и снова поселиться на берегу залива Астролябии. В феврале 1876 года Миклухо-Маклай отправился в путь на борту торговой шхуны «Морская птица».

По пути на Новую Гвинею шхуна объехала острова Целебес, Пелау, Адмиралтейства, Агомес. Путешественник всюду сходил на берег, не расставаясь с записной книжкой, камерой-луцидой и измерительными приборами. И всюду его пристальный взгляд находил что-нибудь новое, до него еще никем не замеченное. На острове Андра он составил словарик папуасских слов, не известных на

одному лингвисту мира, а на острове Буап обнаружил невиданные папуасские деньги: каждая монета величиной с мельничный жернов.

Но как ни ценны, ни дороги для науки были эти открытия — они не могли уберечь ученого от черных мыслей об опасности, грозящей его новогвинейским друзьям. В погоне за трепангом*, черепахой, жемчугом английские, американские, голландские, немецкие купцы не стеснялись ничем. Они постоянно обманывали туземцев, сбывая им всякую заваль по возмутительно высокой цене, сплавляли их, насильно увозили женщин; а если туземцы сопротивлялись или даже мирно отказывались вести невыгодный торг, вооруженные торгошаи попросту отнимали у них все, что хотели. Военные суда, посылаемые колониальными властями, всегда принимали сторону торговцев и жестоко расправлялись с островитянами.

Вот о чем думал Маклай, приближаясь в июне 1876 года к знакомому берегу.

«Туземцы очень обрадовались, но несколько не изумились моему приезду, — записывает он в дневнике, — они были уверены, что я сдержу свое слово...».

Через пять дней новый дом Миклухо-Маклая — на этот раз на мыске возле деревни Бонгу — был с помощью папуасов построен. Ученый продолжал свое дело.

Дневник «второго пребывания» изобилует, как и первый, многочисленными драгоценными сведениями о климате Новой Гвинее, о ее горах, заливах, о растительном и животном мире. 12 августа Миклухо-Маклай предпринял экскурсию на одну из высочайших вершин горы Тайо и с опасностью для жизни, срываясь и падая с крутого и скользкого склона, измерил ее высоту; 5 декабря в деревне Бонгу наблюдал праздничные пляски туземцев; в марте подробно описал свадебные обряды в Горенду, присутствуя на свадьбе Мукау и Ло... Каждая из этих записей — богатый вклад в этнографию и географию.

«Благодаря большому ко мне доверию туземцев, — докладывал впоследствии Миклухо-Маклай Географическому обществу на основе записей своего дневника, — я во время второго у них пребывания имел возможность

* Трепанг — червеобразное морское животное (голотурия). Голотурия водится у островов Тихого океана. Особым образом прокопченная употребляется в пищу.

Хижина ученого на Новой Гвинее.

Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая.

познакомиться с весьма интересными обычаями: брачными, погребальными и др. Укажу для примера на некоторые обычаи. Так, туземцы оставляют покойников гнить в хижинах. Когда человек умирает, его тело приводят в сидячее положение; потом труп оплетают листьями кокосовой пальмы в виде корзины, около которой жена покойного должна поддерживать огонь в течение двух или

трех недель, пока труп совершенно не разложится и не высохнет. Зарывают трупы в землю очень редко, и происходит это только тогда, когда какой-нибудь старик переживет всех своих жен и детей, так что некому поддерживать огонь...».

Но самое значительное в дневнике «второго пребывания» — это те его страницы, которые посвящены новому подвигу Маклая: борьбе против бессмысленных войн между туземными племенами. «Эти войны имеют более характер убийств, чем характер войны или боя в открытом поле, — писал Миклухо-Маклай. — Каждое убийство ведет к мести, и, таким образом, вся война состоит из ряда вендетт. Войны наносят страшный вред всему населению; туземцы боятся покидать свои деревни даже на несколько часов».

Маклай вмешался в распрю между двумя племенами и заставил обе стороны сложить оружие.

К этому времени авторитет Маклая, и до тех пор стоявший высоко, достиг небывалой высоты. Вызвано это было следующим происшествием. Ужиная однажды у старика Коды-Боро в деревне Богати, Маклай случайно узнал, что двое молодых людей из деревни Горимы, по имени Абуи и Малу, собираются убить его и поживиться его вещами.

— Маклай, ты не ходи в Гориму, — уговаривал ученого Коды-Боро... Но Маклай на следующий же день, в сопровождении переводчика-туземца (наречия, на котором говорили в этой деревне, он еще не успел изучить) отправился прямо туда.

«У входа в буамбраму собралась толпа людей, созованных моим переводчиком... Первые мои слова, обращенные к переводчику, были:

— Абуи и Малу здесь или нет?

...Когда я назвал эти два имени, туземцы стали переговариваться между собою, и только через несколько секунд я получил ответ, что Абуи здесь.

«Позови Малу!» — было мое распоряжение.

Кто-то побежал за ним.

Когда Малу явился, я встал и указал Абуи и Малу два места около самого костра, как раз против меня. Они с видимым нежеланием подошли и сели на указанные мною места. Затем я обратился с короткою речью к переводчику, который переводил, по мере того как я говорил,

то-есть почти слово в слово. Содержание речи было, приблизительно, следующее:

— Услышав вчера от людей Богати, что двое людей Горимы — Абуи и Малу — хотят меня убить, я пришел в Гориму, чтобы посмотреть на этих людей. (Когда я стал смотреть поочередно на обоих, они отворачивались каждый раз, как встречали мой взгляд.) Что это очень дурно, так как я ничего не сделал ни Абуи, ни Малу и никому из людей Горимы, что теперь, пройдя пешком от Богати до Горимы, я очень устал и хочу спать, что сейчас лягу и что, если Абуи и Малу хотят убить меня, то пусть убьют, пока я буду спать, так как завтра я уйду из Горимы.

Догорив последние слова, я направился к барле и, взбравшись на нее, завернулся в одеяло. Мои слова произвели, кажется, сильный эффект. По крайней мере, засыпая, я слышал возгласы и разговоры, в которых мое имя было не раз повторяемо. Хотя я спал плохо и просыпался несколько раз, но происходило это не из страха перед туземцами, а, вероятно, по причине тяжеловесного ужина, которого я обычно избегаю.

На другое утро я был, разумеется, цел и невредим. Перед уходом из Горимы Абуи принес мне в дар свинью почтенных размеров и вместе с Малу непременно пожелал прозодить меня не только до Богати, но и в таль Маклай».

Этот эпизод, еще раз подтвердивший бесстрашие Маклая и его полное доверие к чувству справедливости темнокожих людей, превратил их дружбу к нему в восторженное благоговение. И Маклай воспользовался новой победой по-своему. Воспользовался для того, чтобы помирить два племени, прекратить междоусобную распрю, порожденную пустым суеверием.

«Междоусобия у папуасов, — объясняет Миклухо-Маклай в одной из своих научных статей, — часто бывают вызваны поверием, что смерть, даже случайная, происходит через посредство так называемого «оним»*, изготовленного врагами умершего... После смерти туземца родственники и друзья покойного собираются и обсуждают, в какой деревне и кем был приготовлен «оним»... Толкуют долго, перебирая всех недругов покойного, не забывая

* Папуасы верили в возможность с помощью магических заклинаний «известить» человека. «Оним» — один из атрибутов такого колдовства.

при этом и своих личных неприятелей. Наконец, деревня, где живет недруг, открыта; виновники смерти найдены, составляется план похода, подыскиваются союзники и т. д.»

Случилось так, что в деревне Горенду в течение нескольких дней в одной семье внезапно умерли двое братьев: молодой человек Вангум, от неизвестной причины, и мальчик Туй, от укуса змеи. Жители Горенду были твердо уверены, что папуасы из горных деревень приготовили «оним» и погубили Вангума и Туя. Война казалась неизбежной.

О ней толковали и старики и дети; молодежь приводела в порядок оружие. Но тут вмешался Маклай.

«Я решил запретить войну», — пишет он.

И он запретил ее. «Войне не быть», — объявил он папуасам.

Через несколько дней разговоры о войне прекратились, прекратились и военные приготовления. Нехотя, с недоумением, туземцы вынуждены были сложить оружие. Перед чем? Перед твердым словом человека, которого они уважали.

Дневник «второго пребывания» заканчивается описанием еще одного многозначительного эпизода. То, что Маклай отправился в Гориму, не испугавшись угроз Абуи и Малу, то, что он, не колеблясь, стал между двумя племенами, готовыми кинуться друг на друга, вселило в туземцев одно подозрение.

Не зная, как объяснить себе бесстрашие, которое постоянно проявлял этот худощавый человек с бледным, усталым лицом и тихим голосом, они в конце концов заподозрили, что он бессмертен — потому и не боится их копий и стрел.

— Скажи, Маклай, можешь ли ты умереть? — спросили они его однажды.

Маклай на минуту задумался. Потом взял копье «толстое и хорошо заостренное», как с педантической точностью сообщает он в дневнике, «тяжелое и острое, которое может причинить неминуемую смерть», подал его папуасу, отошел на несколько шагов и остановился против него.

«Я снял шляпу, широкие поля которой закрывали мне лицо; я хотел, чтобы туземцы могли видеть по выражению моего лица, что Маклай не шутит и не моргнет, что бы ни случилось», — записывает он.

Он подал туземцу копьё и сказал:

«Посмотри, может ли Маклай умереть».

Маклай был прав, что не побоялся копьё: папуасы глубоко и преданно любили его и сами отказались от предложенного опыта.

— Арен, арен (нет, нет!), — закричал Саул, когда Маклай вложил ему в руку копьё. Он не поднял оружия на Маклая.

«Многие бросились ко мне, как бы желая заслонить меня своим телом, — продолжает Маклай в дневнике. — Простояв еще несколько времени перед Саулом и даже назвав его шутливым тоном бабой, я снова сел между туземцами, которые заговорили все зараз.

Ответ оказался удовлетворительным; после этого слушая никто не спрашивал меня, могу ли я умереть».

6 ноября 1877 года в залив Астролябии случайно зашла английская шхуна «Флауэр ов Эрроу», державшая путь в Сингапур. Считая предпринятую им работу по обследованию всех разновидностей меланезийского племени далеко не законченной, Миклуха-Маклай решил покинуть на время своих нозогвинейских друзей. Заручившись соглашением шкипера, он перенес вещи на борт «Флауэр ов Эрроу».

Но прежде, чем уехать, Маклай решил предупредить папуасов об опасности, грозящей им со стороны работоторговцев. Он пригласил к себе по два человека из каждой деревни: самого старого и самого молодого.

«Я объяснил им, что, вероятно, другие люди, такие же белые, как и я, с такими же волосами, в такой же одежде, придут к ним на таких же кораблях, на каких приезжал я, но очень вероятно, что это будут другие люди, чем Маклай... Эти люди могут увести их в неволю... Я посоветовал им никогда не выходить навстречу белым вооруженными и никогда даже не пытаться убивать пришельцев, объясняя им всю силу огнестрельного оружия сравнительно с их стрелами и копьями. Я им советовал для предупреждения бед при появлении судна сейчас же посылать своих женщин и детей в горы».

Около двух лет жизни потратил путешественник на то, чтобы победить страх туземцев перед невиданным, загадочным «белым человеком» и завоевать их доверие. Тяжелым трудом, великим терпением добился он этой цели, но, хорошо изучив нравы английских, американских, немец-

ких, голландских колонизаторов, которых неизбежно предстояло увидеть папуасам, вынужден был сам разрушить сделанное: снова внушить туземцам страх перед «белыми» и недоверие к ним. Не без горечи произносил свои предупреждения Маклай, но он не желал допустить, чтобы плодами его бескорыстных трудов во вред туземцам воспользовались торгаши и промышленники.

Миклухо-Маклай убедился впоследствии: туземцы запомнили его наказ слово в слово и в точности исполнили все.

В январе 1878 года Маклай прибыл в Сингапур. Здесь он тяжело заболел. Врачи потребовали, чтобы он поехал отдыхать и лечиться, «а не то, — угрожали они, — путешественник окажется вынужденным совершить путешествие на тот свет». Скрепя сердце, Миклухо-Маклай переселился в Сидней. В Сиднее он продолжал работу по изучению мозга хрящевых рыб, начатую им еще в юности, и делал антропологические наблюдения над туземцами, которые попадали в госпиталь с островов Океании.

Работа его была прервана тревожными вестями. Распространился слух, что Австралийский Союз собирается захватить восточный берег Новой Гвинеи. То, чего каждый день опасался Миклухо-Маклай, казалось, должно было вот-вот произойти. Он не мог оставаться безучастным к этому событию. Папуасы бухты Астролябии не были для него каким-то общим, отвлеченным понятием; это были люди: Туй и Дигу, Коды-Боро, Моте.

Он немедленно направил протест «высокому комиссару ее британского величества» — сэру Артуру Гордону.

«...я решил возвысить голос во имя прав человека... и привлечь Ваше внимание к опасности, которая угрожает уничтожить навсегда благополучие тысяч людей, не совершивших иного преступления, кроме принадлежности к другой расе, чем наша, и своей слабости».

Он призывает «высокого комиссара»:

«...пред. предить ряд несправедливых убийств, избавить на будущее время цивилизацию от позора избияния женщин и детей под предлогом «заслуженного возмездия».

Верил ли Миклухо-Маклай, что «высокий комиссар» защитит туземцев? Повидимому, не очень. Из памяти нельзя было вычеркнуть «...окончательного уничтожения туземцев Тасмании и постепенного, по сие время продолжающегося, истребления австралийцев».

«Истребление темных рас, — писал он в ноябре 1877 года, — есть не что иное, как применение грубой силы, и каждый честный человек должен осудить ее или, если может, восстать против злоупотребления ею».

Он не только осудил, но и восстал. Тут его долг ученого встретился с общественным долгом подлинно культурного человека. В исполнении этих двух обязанностей — общественной и научной — для него не было противоречия. Они совпадали. Изучая, он и просвещал и защищал. Он не считал себя человеком «высшей расы» на том основании, что у него белая кожа и что он умеет стрелять из ружья; но он считал себя человеком передовой культуры и стал защитником папуасов Берега Маклая и всех «цветных» народов, поработанных белыми колонизаторами. Каждый раз, как на своем пути он встречал насилие над туземцами со стороны колониальных держав, он обращался к властям со словами укоризны и гнева. Во имя «справедливости» и «человечности» он требовал создания международной ассоциации для защиты человеческих прав туземцев Тихого океана «от бесстыдного грабежа», требовал, чтобы были приняты энергичные меры для охраны прав туземцев на их землю, на их леса и реки; чтобы был запрещен ввоз спиртных напитков и ввоз оружия; в многочисленных обращениях к высшим голландским и английским чиновникам он требовал прекратить торг невольниками, практикующийся на островах Тихого океана под видом «свободного найма рабочей силы», людокрадство, грабежи и обманы. Пусть обращения Миклухо-Маклая были наивны — не от чиновников колониальных держав следовало ожидать помощи! — но он сделал все, что умел и мог.

V

В марте 1879 года Миклухо-Маклай на борту американской шхуны «Сэди Ф. Келлер» предпринял новое путешествие на острова Тихого океана. Шхуна отправлялась на острова Ново-Гебридские, Агомес, Адмиралтейства и Соломоновы для ловли трепанга и скупки жемчуга. Миклухо-Маклай желал ознакомиться с возможно большим числом разнородностей меланезийского племени и, кроме того, надеялся снова побывать на Берегу Маклая; шкипер обещал доставить его туда. Необходимо «держать слово, данное друзьям, особенно когда им грозит скорая

опасность столкновения с их будущими непримиримыми врагами», — писал Маклай матери.

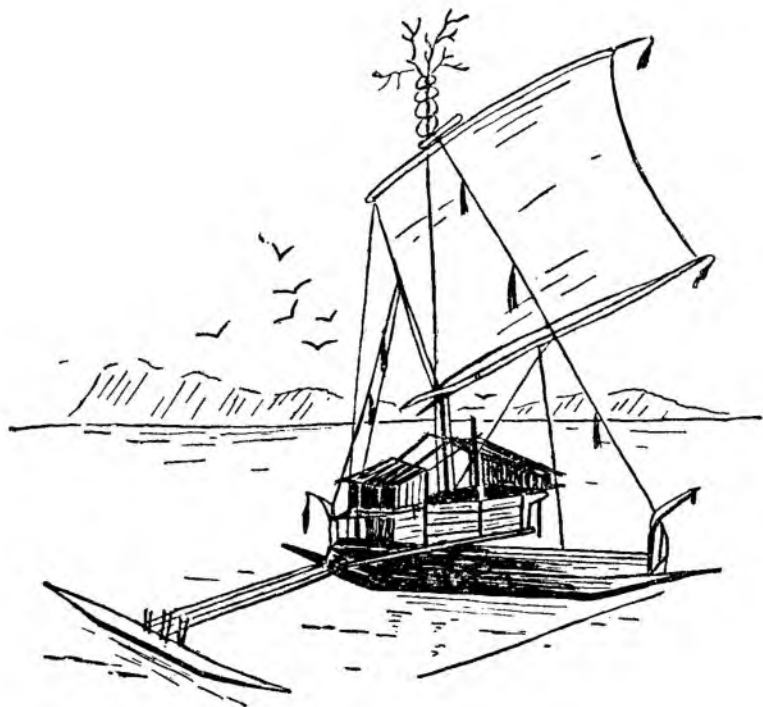
Путешествие это оказалось одним из самых значительных. Во время этой поездки действительность пожелала дать Миклухо-Маклаю еще один предметный урок: на этот раз не из истории развития первобытных народов, а из истории классовой борьбы. Среди записей Миклухо-Маклая, посвященных этому путешествию, есть и такая:

«Из Сиднея я отправился на острова Меланезии. Путешествие продолжалось больше года и было в высшей степени интересным. Шхуна отправилась сначала в Нумею, а потом в Южную бухту Новой Каледонии; я осмотрел в самой Нумее и в ее окрестностях все, что было интересно». «Все, что было интересно»... Интересны, конечно, были для Миклухо-Маклая туземные племена Новой Каледонии. Но, повидимому, не только они.

Нумея, окрестности Нумеи: остров Ну, полуостров Дюко. Страшные имена, страшные воспоминания. В 1879 году, когда приезжал туда Миклухо-Маклай, там, в каторжных тюрьмах и лагерях, еще томились герои Парижской Коммуны.

Острова и полуострова Ну, Дюко, Пен, обращенные Францией в место ссылки уголовных и политических преступников, избраны были в качестве каторги весьма удачно. Ни океан, светящийся по ночам фосфорическим блеском, ни огромные, низко горящие звезды Южного Креста, ни лунные радуги, появляющиеся над океаном влажными ночами, ни яркая зелень, покрывающая прибрежную полосу, — ничто не могло скрасить мрачность новокаледонской природы. В Новой Каледонии мало земель, удобных для земледелия; чуть ли не каждое лето ее посещает засуха, жалкие огороды гибнут от зноя и саранчи, скот, привозимый из Австралии, — от недостатка воды. Природа зловещих островов, казалось, была заодно с тюремщиками: акулы стерегли каторжан в океане; москиты терзали их по ночам, а днем их одолевали муравьи, крупные и ненасытные, способные сожрать человека жибьем. Среди балок барака гнездились рыжие летучие мыши с когтистыми хрящеватыми крыльями.

Режим, созданный на островах, был страшен... «Колотки, плеть семихвостка и пытки булавками, — не правда ли, нам есть чем гордиться? — писал наборщик Аллеман, коммунар, сосланный на остров Ну. — И это допускается

Большая пирога с острова Били-Били.

Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая.

в самой блестящей стране земного шара, которую мы с дурацкой гордостью именуем цивилизованной, передовой!».

Новая Каледония населена меланезийскими племенами — «канаками», — как их называли французы. Тюремщики позаботились о том, чтобы люди, порученные их охране, не встречали сочувствия среди туземных племен. Миссионеры, открыто торговавшие водкой и исподтишка рабами, искусно внушали канакам, будто каторжники — все поголовно — людоеды, убийцы, и если кому-нибудь из заключенных удавалось бежать из лагеря, канаки, отличные охотники, по знаку тюремного начальства кидались на поиски, устраивали настоящую облаву, убивали несчастного и с торжеством приносили губернатору Нумеи привязанный к палке труп беглеца — совершенно так же, как

туземцы бухты Астролябии приносили в свои деревни убитых кабанов после удачной охоты.

В один из апрельских дней 1879 года медленно открылся перед глазами Маклая сначала полуостров Дюко, потом остров Ну и между ними, на голубоватых холмах, домики и форты Нумеи. Шхуна «Сэди Ф. Келлер» бросила якорь в порту.

Миклухо-Маклай сошел на берег. Нумея — резиденция губернатора, административный центр каторги. Одноэтажные дощатые деревянные домики. Каменные казармы. Каменный, похожий на казарму, дворец губернатора, пушки военных фортов, превращенных в тюрьму.

Что означает фраза у него в дневнике: «я осмотрел в Нумеи и в ее окрестностях все, что было интересного»?

Видел ли он только туземцев или ему удалось говорить и с ссыльными? Встретился ли он с Луизой Мишель — поэтом, этнографом, историком, знаменитой коммунаркой, отстаивавшей Париж и Коммуну с оружием в руках?

Статьи и дневники Маклая не дают нам ответа на этот вопрос. Исследователи располагают только косвенным, но зато неопровержимым доказательством того, что грозная и доблестная судьба коммунаров, с которыми Маклай неизбежно должен был встретиться в Новой Каледонии, тронула и поразила его.

Сохранилось письмо И. С. Тургенева к русскому политическому эмигранту, члену одной из секций Коммуны, Петру Лавровичу Лаврову. В этом письме (от 27 декабря 1882 г.) знаменитый писатель просил Лаврова доставить Миклухо-Маклаю брошюру или брошюры, «написанные бывшими сосланными в Новую Каледонию коммунарами о жизни их там и перенесенных ими там страданиях». Обращался Тургенев к Лаврову по личной и настоятельной просьбе самого путешественника...

Исполнил ли Лавров просьбу Тургенева, достал ли для Маклая воспоминания коммунаров, амнистированных в начале восьмидесятых годов? Как бы там ни было, интерес ученого к узникам Новой Каледонии, судя по записке Тургенева, был глубок и устойчив — иначе он не стал бы разыскивать их мемуары. А если так, нам естественно предположить, что интерес этот был вызван личным общением, что, посетив Новую Каледонию в 1879 году, Маклай не мог не видеть французских ссыльных, что на полуострове Дюко Маклай беседовал с Луизой Мишель, и она

рассказала ему о восстании канаков против завоевателей, рассказала, что среди них есть истинные друзья изгнанников; естественно предположить, что она пела Маклаю их песни, показывала рисунки, что они вместе радовались тому, как умны, восприимчивы и музыкальны дети канаков...

Если Миклухо-Маклай ознакомился впоследствии с воспоминаниями Луизы Мишель, — какими близкими должны были прозвучать для него заключительные страницы той главы, в которой Луиза Мишель, амнистированная в 1880 году, описывала свой отъезд из Нумеи!

«...когда я уже собиралась сесть на судно... я увидела, что весь берег покрыт канаками... Не ожидая амнистии так скоро, я хотела устроить школу в туземных поселках; теперь мои черные друзья пришли, чтобы напомнить мне о моем обещании. «Ты больше не приедешь!» — повторяли они с горечью. Чтобы утешить их, я с полной верой в свои слова говорила им: «Я вернусь к вам!».

Долго потом со своего судна я смотрела на черную толпу канаков, пока она не скрылась из виду. Они плакали. плакала и я сама».

Разве эти проводы, описанные знаменитой коммунаркой, не напоминают нам других — тех, которые описал Миклухо-Маклай, рассказывая о своем первом отъезде из бухты Астролябии?

VI

Новое путешествие в бухту Астролябии было отложено до более удобного случая. Наглядевшись, как в обмен на трепанг и перламутр капитан Веббер и его сподручные сбывают туземцам всякий хлам, Миклухо-Маклай решил, что лучше сам не поедет в бухту Астролябии, чем привезет с собою подобных гостей. Скрепя сердце, ученый освободил шкипера от его обязательства.

Объездив острова Ново-Гебридские, Адмиралтейства, острова Банка, Агомес и Соломоновы, Миклухо-Маклай побывал на южном берегу Новой Гвинии в поисках особого желтого племени, слухи о существовании которого не подтвердились; потом совершил экскурсию в глубь Австралии и, наконец, исполняя свою давнишнюю мечту, организовал в Сиднее зоологическую станцию для изучения морской фауны.

В 1882 году в жизни Миклухо-Маклая произошло большое событие. После многолетнего отсутствия он снова псбывал на родине. В феврале в Мельбурн прибыла русская эскадра. На борту клипера «Вестник» Миклухо-Маклай покинул Мельбурн. Достигнув Сингапура, он перебрался на крейсер «Азия», достигнув Генуи, — на броненосец «Петр Великий». Во второй половине сентября ученый после двенадцатилетней разлуки с родиной снова увидел маяк Кронштадтского порта.

В конце октября все русские газеты напечатали сообщение о том, что в ближайшие дни в Петербурге, в зале Географического, а затем Технического общества, выступит с докладами о своих путешествиях Миклухо-Маклай.

Наступило 29 октября 1882 года — день первого появления Миклухо-Маклая перед русской публикой. Зал Географического общества был переполнен. Люди стояли в проходах, стояли в смежной комнате.

«Ровно в 8 часов вечера, — сообщает «Петербургский листок», — вице-председатель общества П. П. Семенов ввел под руку нашего путешественника. При его появлении раздался оглушительный и долго не смолкавший гром аплодисментов. За стол президиума быстро вошел уже украшенный сединой Н. Н. Миклухо-Маклай.

«Милостивые государыни и милостивые государи! Через восемь дней исполнится 12 лет, как в этой же зале я сообщил господам членам Географического общества программу предполагаемых исследований на островах Тихого океана. Теперь, вернувшись, я могу сказать, что исполнил обещание, данное мною Географическому обществу: сделать все, что будет в моих силах, чтобы предприятие не осталось без пользы для науки».

Так начал свой доклад Миклухо-Маклай — доклад-отчет, доклад-рапорт ученого высшему географическому учреждению России.

В глубокой тишине слушали собравшиеся рассказы Николая Николаевича. Имена людей Бонгу, Горенду, Гумбу, имена деревьев, рек и гор неведомой, далекой страны, повесть об опасностях и лишениях, которым подвергался путешественник, и о его научных победах зазвучали в тишине петербургского огромного зала. На следующий день все газеты напечатали подробные отчеты о лекциях Миклухо-Маклая. Корреспонденты единодушно отметили глубокое внимание к тихой, лишенной всяческих

внешних эффектов, содержательной и скромной речи этого бледного, усталого человека.

«Каждый, слушавший его, понимал, — писал один журналист, — что он говорит только правду, что он рассказывает только то, что сам видел, ничего не передавая с чужих слов и постоянно проверяя на месте известное ему чужое наблюдение».

Миклухо-Маклай получил несколько приветственных адресов от студенчества и от научных обществ России. Когда он приехал в Москву и снова выступил со своими докладами, Общество любителей естествознания присудило ему за работы по этнографии и антропологии золотую медаль.

Однако далеко не все радовались успехам отважного ученого. Не всем была по душе его защита темнокожих. В кулуарах скептики и недоброжелатели пожимали плечами:

— Помилуйте, что он сделал? Привез какие-то рисуночки, глиняные горшки. Что тут такого? Недоучившийся студент, разыгрывающий роль благодетеля рода человеческого... Да он и у дикарей почти не жил — сидел все больше в Сиднее... Да и что интересного в этих дикарях?

«Несмотря на то, что наблюдения ученого-путешественника касаются туземцев Новой Гвинеи, Малайского архипелага и Австралии, в общем расовом вопросе они могут иметь поучительное значение и для нас», — писал один проницательный журналист.

Поэтому-то и насторожились чиновничьи, реакционные круги царской России. Поэтому-то и царь Александр III, обещавший было на свой счет напечатать дневники путешественника, не исполнил своего обещания. Папуасы — далеко, но забытые чуваша, мордва, вогулы — близко, под боком.

Сначала это была только настороженность, это был только шопот о сомнительности научных заслуг, позже шопот окреп и обратился в громогласную клевету.

...В конце 1882 года ученый покинул Россию, чтобы продолжать свои исследования. Случай помог ему еще раз побывать на Берегу Маклая. Когда пароход доставил его в Батавию, оказалось, что на рейде стоит и грузится углем корвет «Скобелев». Командир корвета, контр-адмирал Копытов, согласился доставить путешественника на Новую Гвинею, хотя ему это и было не совсем по пути.

Миклухо-Маклай перебрался на корабль. По дороге, на одном из Молуккских островов, в Амбоине, он приобрел в подарок своим друзьям коз и двух зебу: бычка и телушку.

17 марта 1883 года Миклухо-Маклай в третий раз высадился на своем берегу. Пробыл он здесь недолго: всего несколько дней. Он роздал туземцам семена, попытался научить их ухаживать за козами и зебу. Туземцы шумно радовались семенам и животным, расспрашивали Маклая, где он будет жить и рассказывали ему наперебой, как приезжали сюда «тамо-инглис», англичане, но уехали, не поживившись ничем, потому что люди Бонгу, Били-Били, Гумбу вели себя в точности так, как посоветовал им, уезжая, Маклай...

23 марта утром «Скобелев» снялся с якоря. Накануне отъезда путешественник записал у себя в дневнике:

«Встаю до рассвета, я отправился на мостик и сделал эскиз гор Мана-боро-боро и архипелага Довольных людей. Сильный противный ветер помешал нам сняться, и я отправился на небольшой островок по имени Мегаспена, покрытый растительностью и во многих местах удобный для причаливания шлюпок. Оттуда я переехал на остров Сегу, отыскал Каина и через него спросил туземцев, которые считают остров Мегаспена своим, согласны ли они дать мне этот остров для того, чтобы построить там дом в случае моего возвращения. Все не только согласилось, но были очень довольны, услышав, что я поселюсь недалеко от них».

Но поселиться недалеко от них Маклаю уже не пришлось.

VII

Наступил последний период жизни великого путешественника. Ревматизм и малярия, тяжелые последствия его самоотверженного труда в тропических странах, мучили его все сильнее и сильнее.

Он больше не ездил ни на острова Адмиралтейства, ни на Малакку, ни на Новую Гвинею. Был ли он уже не в силах много и напряженно двигаться или чувствовал, что жить ему осталось недолго, и торопился упрочить сделанное? Как бы то ни было, в последние годы жизни он стремился обрабатывать добытый материал, а не добывать новый.

Миклухо-Маклай больше не путешествует.

Он женился, живет в Сиднее и деятельно приводит в порядок коллекции, дневники, записки, рисунки.

В 1884 году Германия оккупировала северо-восточную часть Новой Гвинеи. Берег Маклая, на котором каждый клочок земли был возделан туземцами и вдоль и поперек исхожен и изучен неутомимым русским путешественником, стал добычей германского империализма. Немцы назвали захваченную землю «Землей императора Вильгельма».

«Туземцы Берега Маклая протестуют против присоединения к Германии», — телеграфировал Миклухо-Маклай Бисмарку от имени своих подзащитных.

В 1836 году ученый вновь отправился в Россию. Ему хотелось сдвинуть с мертвой точки печатание своих научных трудов и сделать последнюю попытку облегчить судьбу папуасов.

Приехав в Петербург, он начал пропагандировать идею создания на одном из островов Тихого океана русской колонии. Это не должна была быть колония в обычном смысле слова — золотое дно для торгашей и промышленников, отнимающих у туземцев землю, наживающихся под защитой пушек и ружей на их подневольном труде; нет, колонисты, по мысли Маклая, должны были селиться только на свободных, не занятых туземцами землях и жить плодами труда рук своих. С этим проектом Миклухо-Маклай обратился к царю, к министрам и непосредственно через газеты «ко всем желающим».

Желающие откликнулись сотнями писем, но царь колонию запретил. Очередное обращение Миклухо-Маклая к «власть имущим» — на этот раз к правительству царской России — окончилось тем же, чем кончились его предыдущие обращения к «высокому комиссару» английских владений или к губернатору Нидерландской Индии — ничем. Колониальные английские и голландские власти и правительство царской России, естественно, не могли выступать в той роли, какую предлагал им Маклай, — в роли защитников поработенных народов.

Современники Маклая прекрасно улавливали общественный смысл его научного опыта, революционную струю, звучащую во всей его деятельности. Недаром крестьянин Новгородской губернии, отвечая на призыв Маклая принять участие в организации колонии, написал ему письмо

«об аде на земле», созданном богатыми для бедных; недаром царь Александр III «начертал» на проекте Маклая: «отказаться», а черносотенное «Новое время» глумилось над его научными трудами... И друзья и враги отлично понимали значительность опыта, который только что был проделан ученым, и подспудный революционный смысл этого опыта. При всей своей скромности понимал это и Миклухо-Маклай. Вот что давало ему силу относиться к нападкам и клевете с тем же величавым спокойствием, с каким он относился к копиям, летящим ему в лицо.

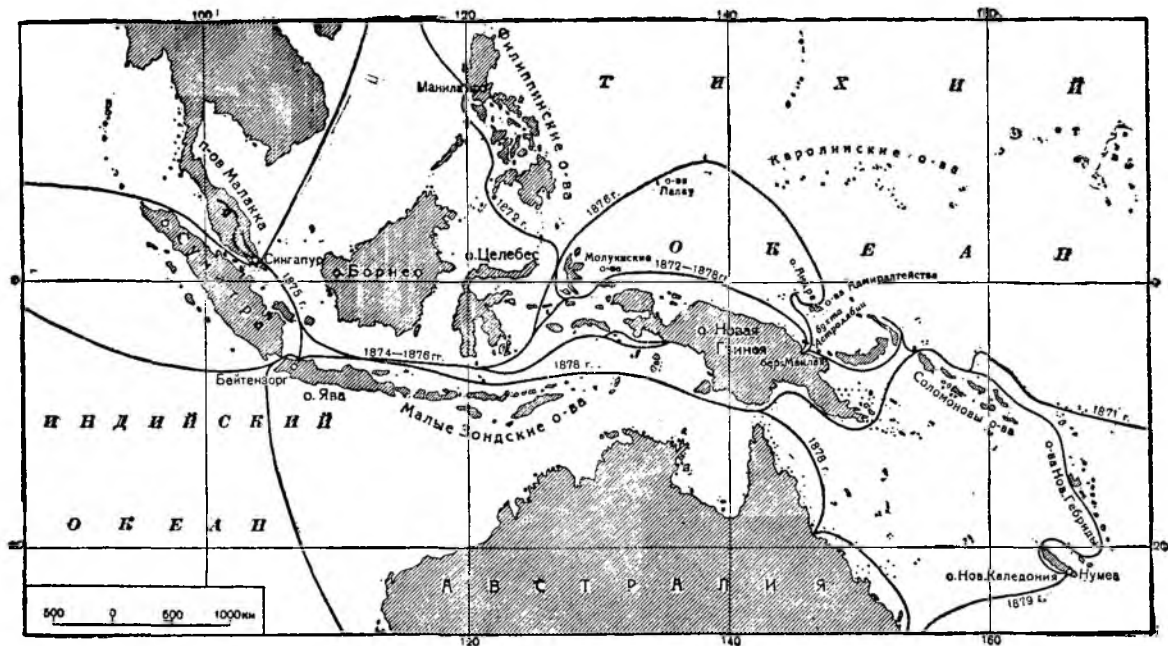
Миклухо-Маклай, как всегда, как всю свою славную трудную жизнь, держался спокойно, никто не слышал от него жалоб, но силы его падали. Конечно, не насмешкам продажных писак было смутить его. Но крушение мечты о справедливой трудовой колонии на далеком тихоокеанском острове — вот что, в конце концов, лишило его последних сил. Миклухо-Маклай не только старел, он, по выражению одного современника, «дряхлел». Трудно было позерить, что ему не 60, а всего только 40 лет.

«Он сильно похудел, характерное лицо его покрылось морщинами... — пишет корреспондент сочувствующей Маклаю газеты. — Только тогда, когда он начинает говорить о своем берегу и его обитателях, голос его крепнет и глаза, уныло перебегающие с предмета на предмет, внезапно оживают».

В 1883 году ученый преподнес в дар Академии наук свои коллекции. В 1887-м он съездил в Сидней. Он торопился привезти на родину жену, детей и все бумаги. Обосновавшись в Петербурге, на Галерной улице, он принялся обрабатывать свои записи. Отек легких душил его, ревматизм и невралгия вызывали острую боль, но напряжением воли он пытался одолеть болезнь, как одолевал когда-то лихорадку, путешествуя по Новой Гвинее и Малакке. Он диктовал, диктовал по семь, по восемь часов в день. Невозможно было оставить черновики неразобранными. Обдумать и продиктовать все до конца, до последнего листка, — вот она теперь та вершина, которую во что бы то ни стало нужно взять. Ведь лазал же он большим на горы, переходил по грудь в воде болота и реки...

Но на этот раз болезнь одолела его.

15 апреля 1888 года в газетах появилось объявление: «Вчера в клинике Виллие, в Санкт-Петербурге, в 8 часов 30 минут вечера, скончался на 42-м году жизни

Карта маршрутов Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею и острова Океании.

после продолжительной и тяжелой болезни Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Смерть застала Николая Николаевича тогда, когда он обрабатывал второй том записок о своих путешествиях».

— В лице Николая Николаевича, — произнес на могиле один из его ученых коллег, — мы хороним человека, который прославил наше отечество в самых отдаленных уголках мира.

VIII

Миклухо-Маклай вынужден был учиться за границей: из Петербургского университета он был исключен с запрещением поступать в другие университеты России. На родине он провел только детство и юность. В течение двух десятилетий он бывал в России только наездами. Он окончательно переселился в Петербург лишь незадолго до смерти. Связь с родной страной многие годы поддерживал он только письмами, да и то весьма редкими: регулярная почта не ходила туда, где на кораблях и пешком, на слонах и в пирогах путешествовал Миклухо-Маклай.

Но в какой бы дали от России он ни оказывался, он всюду приносил с собой воздух родной страны, воздух того времени, когда он ее оставил.

Он учился в Петербургском университете в начале шестидесятых годов. То была пора революционного подъема, крестьянских волнений, подпольных кружков разночинной интеллигенции, пора несокрушимой веры в могущество естественных наук, пора поэзии Некрасова и Шевченко, страстной проповеди Добролюбова и Чернышевского в «Современнике», Герцена — в «Колоколе».

Есть основания предполагать, что из гимназии Миклухо-Маклай был исключен за непочтительное отношение к начальству, что в университете он принимал участие в бурных студенческих сходках и к его исключению была причастна полиция: он просидел три дня в Петропавловской крепости.

Но дело вовсе не в этом. Все эти факты еще не дают нам права считать Миклухо-Маклая революционером шестидесятых годов. Кто тогда не участвовал в студенческих сходках, кто не был повинен в непочтительном отношении к начальству?!

Связь Миклухо-Маклая с передовыми идеями шестидесятых годов гораздо менее заметна, но глубока и прочна.

Она лежит не на поверхности, а в самой основе того общественного и научного дела, которому он отдал жизнь.

«В числе предрассудков... — писал вожь революционной демократии шестидесятых годов Чернышевский, — очень заметное место занимает предрассудок, будто один народ по самой своей прирожденной натуре, по своей расе неспособен к тому, к чему способен другой, также по своей расе».

И далее:

«В образовании нынешнего положения каждого народа такая громадная часть принадлежит действию обстоятельств, не зависящих от природных племенных качеств, что сами эти... качества, если и существуют, то для их действия осталось очень мало места — неизмеримо, микроскопически мало места».

«Не клеветайте!» — таким восклицанием кончается этот отрывок.

Как относился Миклухо-Маклай к Чернышевскому? Знал ли что-нибудь Чернышевский о Миклухе-Маклае? Вопрос этот изучен недостаточно (можно только указать, что в одном из московских музеев хранится рисунок, исполненный рукою Маклая, на котором изображен Чернышевский), но, как бы там ни было, в дневнике Маклая нет ни единой строки, которая противоречила бы цитированным мыслям Чернышевского.

Когда читаешь проект создания русской колонии на Тихом океане, выдвинутый Маклаем для защиты папуасов, тоже невольно приходит на ум Чернышевский.

«Колония составляет общину и управляется старшиною, советом и общим собранием поселенцев», — писал Миклухо-Маклай. «Ежегодно вся чистая прибыль от обработки земли будет делиться между всеми участниками предприятия соразмерно их положению и труду».

Не о таких ли трудовых общинах мечтала Вера Павловна — знаменитая героиня романа Чернышевского «Что делать?». И когда читаешь в дневнике у Маклая, как он лечил и учил папуасов, не приходит ли невольно на ум русское юношество, которое в ту же пору, оставляя университеты и гостиные, устремлялось в русские деревни лечить и учить народ?

...Туземцы никогда не забывали постоянных, неизменных забот о них Миклухо-Маклая: ни посаженных им

деревьев, ни подаренных топоров, ни лекарств, ни кокосового масла, которое он научил их добывать из орехов.

Память о русском путешественнике многие десятилетия продолжала жить на берегу залива Астролябии вместе с ростками новых деревьев, вместе с курчавой темнокожей девочкой, которой он дал русское имя Мария; и долго еще стальной топор именовался там «топор Маклай» и арбуз — «арбуз Маклай». Уже в начале нашего столетия на острове Били-Били этнографы записали легенду, сложенную папуасами о Маклае:

«Пришел Маклай и сказал нашим предкам: каменные топоры не острые, они тупые. Бросьте их в лес, они не годятся, тупые. Маклай дал им железные ножи и железные топоры...».

Долго жил у них на острове и у них в языке и «банан Маклай», и «тыква Маклай», и «дыня Маклай».

Туземцам бухты Астролябии было непонятно, зачем Миклухо-Маклай собирает черепа и волосы, зачем измеряет горы, но благородство Маклая оказалось совершенно доступным их пониманию. Они вполне оценили качества этого необыкновенного человека. Когда у путешественника заболели ноги, туземцы смастерили носилки и, чередуясь, носили его, чтобы ему не было больно ступать; о правдивости Маклая они создали поговорку: «слово Маклая одно»; когда он уезжал, они годами берегли его вещи. И это не было преклонением перед материальным могуществом белого человека, перед его лампой, ружьем и спичками. Ульсон — слуга Маклая — тоже умел стрелять из ружья и зажигать спички, но Ульсон был ничтожество и трус, и папуасы не ставили его ни во что. Любовь к Маклаю вызывалась не преклонением перед силой неведомых предметов, а преклонением перед силой и красотой человеческой личности.

